

Женя Гравис

Лето
в

Российской

Империи

Дарья Кузнецова

Александра Лавалье

Виктор Дашкевич

Игорь Евдокимов

Тимур Суворкин

Дарья Эпштейн

Расследования графа Аверина (Сборники)

Дарья Кузнецова

Лето в Российской империи

«ЭКСМО»

2026

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Кузнецова Д.

Лето в Российской империи / Д. Кузнецова — «Эксмо»,
2026 — (Расследования графа Аверина (Сборники))

ISBN 978-5-04-247815-4

Новый сборник детективных рассказов от любимых авторов! Жаркие полуденные часы, чаепития на веранде, яхты и променады по набережной в Ялте... и бал под лучами яркого июньского солнца. В Российскую империю приходит лето. А вместе с ним — и новые дела для героев Виктора Дашкевича, Игоря Евдокимова, Жени Гравис, Дарьи Кузнецовой, Александры Лавалье, Тимура Суворкина и Дарьи Эпштейн. Графу Аверину предстоит расследовать похищение на Валааме по просьбе матушки-настоятельницы, Владимир Корсаков, скучая на отдыхе в Звенигороде, раскрывает тайну странных смертей вместе с доктором Чеховым, Парослав Котельников расскажет еще одну главу своих мемуаров о службе на морском побережье.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-247815-4

© Кузнецова Д., 2026
© Эксмо, 2026

Содержание

Дарья Кузнецова	6
Конец ознакомительного фрагмента.	23

**Виктор Дашкевич, Дарья Кузнецова,
Александра Лавалье, Игорь
Евдокимов, Женя Гравис, Тимур
Суворкин, Дарья Эпштейн
Лето в Российской империи
*Сборник рассказов***

Иллюстрация на форзаце и нахзаце AquARTis (Елена Калюжная)

Иллюстрации в блоке Ziorre, Raskoraka (Валерии Кобыльченко), Kateshi Kittano, Mary Iv
(Мария Иванова)

Редактор серии Анастасия Осминина

Оформление серии Янины Клыга

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Дарья Кузнецова Шкатулка с секретом

5 июня 1913 года, где-то в Черном море

Надворный советник и заместитель начальника сыскной полиции Петрограда Шуховской изнывал от жары и скуки.

Круиз еще только начался, всего несколько часов минуло, как «Княгиня Ольга» покинула Севастополь и вышла в открытое море. Лишь три дня тому назад они с супругой погрузились на дирижабль из столицы в Таврию, а море, жара и отдых успели ему осточертеть. Больше, конечно, погода. После свежего, привычного петроградского лета здешний зной казался удушьяющим, и ведь это еще июнь! Благо в каютах царила приятная прохлада, но надолго ли эта радость?

Его бы воля, пропади пропадом этакий отдых: на службе, в охоте за ворами да душегубами, он чувствовал себя много увереннее, чем на борту шикарного парохода среди разодетых и блистательных пассажиров первого класса. Добавляли волнения и мысли о прошлогодней трагедии, здорово подкосившей популярность морских путешествий. Шуховской не терзал, подобно другим пассажирам, представителя владельцев судна вопросами о надежности, количестве шлюпок и соблюдении всех мер безопасности, но слушал очень внимательно. Хлыщеватый тип по фамилии Лейнц клялся и божился, что безопасность на высочайшем уровне, но доверия своей наружностью не внушал.

Александр Александрович вообще старался изнывать стоически, помалкивая о своем недовольстве. Доктор настоятельно рекомендовал южный морской климат и круиз его супруге, в мае с трудом оправившейся от пневмонии. Что Шуховской мог на это возразить? Только всячески поддерживать ее, приободрять и не позволять думать о дурном.

Агата Германовна и впрямь заметно ожила, когда они сошли с борта дирижабля в Севастопольском воздушном порту, потом с детским восторгом разглядывала большой пароход, а после обживала просторную каюту, в которой им предстояло провести грядущую пару недель.

– Мой дорогой, вы столь выразительно тоскуете о своих каторжниках, что мне впору нешуточно ревновать. – Конечно, от внимательного взгляда супруги его настроение не укрылось. – Неужто вам настолько не мила эта прогулка? Позвольте, вы снова бог знает как повязали галстук...

– Не так плох круиз, сколько общество, – ворчливо сознался Шуховской, покорно предъявляя галстучный узел ловким рукам. – Все эти дамы в бриллиантах, господа во фраках за ужином... А лучше бы тихо, по-домашнему! И Евдокииных шей тут не дожидаться...

Агата улыбнулась, поправив узел, и проговорила:

– Вам по службе с ними тяжело, а здесь – не съедят же они нас, право слово, вместо шей! Будто впервые в светском обществе, Александр Александрович, стыдно.

Был он в подобном обществе, конечно, не впервые, но в последние три года, как занял нынешнюю должность, всего себя Шуховской отдавал службе и выбираться стал редко, вот разве что в театр с супругой, а там не столь много общения. Да где угодно его меньше! А здесь небольшая тесная компания, и всех отдушин – только прогулки в попутных городах. И то с теми же людьми вместе!

Агата Германовна от затворничества супруга не особенно страдала: у нее хватало в Петрограде подруг, с которыми можно собраться за чаем и обсудить литературные новинки, рукоделие и дела семейные, а на больших вечерах и делать было пока нечего. Старшая дочка вся в учебе, меньшей выезжать рано, а сыновья, слава богу, все достаточно самостоятельные. Тихие семейные торжества добрых знакомых не обременяли даже Шуховского.

– То один вечер вытерпеть, а то с утра до ночи, – ворчливо озвучил он свое недовольство.

– Идемте, я уверена, среди них отыщутся прекрасные люди, и вы непременно составите себе чудесное общество на это плавание. А от жары мы здесь, на этой палубе, надежно укрыты, она оборудована вешевым оградителем. Его включают в ночную прохладу, и он позволяет сохранить эту температуру внутри, защитившись от наружного зноя.

– Откуда вы знаете? – удивился Александр. Супруга обожала читать, порой откровенно поражала его размахом любознательности и иной раз рассказывала такое, о чем Шуховской и думать не мог. Но про оборудование корабля-то где успела узнать?!

– К счастью, читать я все еще могу, – развеселилась она и подобрала с туалетного столика печатную брошюру с описанием «Княгини Ольги». – Вот, полюбуйтесь, я уже имела удовольствие ознакомиться, пока вы освежались. Занятная вещица, много интересного пишут. Идемте, я все расскажу...

Театр и светские салоны Шуховской поминал не напрасно, интерьеры на палубе были очень в духе, почти дворцовыми. Элегантные витражи, отделка дорогим деревом, блестящие латунные ручки и хрустальные люстры, дорогие ковры и наборный паркет... Если бы пол не покачивался мерно, пусть и слабо, впору забыть, что находишься на корабле. Сюда даже шум и дрожь могучих пароходных машин не доносились – от лишних звуков благородных пассажиров тоже оберегали.

Каюта Шуховских, самая скромная в первом классе, тоже больше походила на номер хорошей гостиницы, а уж убранство императорского люкса наверняка соответствовало громкому званию. Агата успела выяснить, что в нем и впрямь поселилась особа великокняжеских кровей с супругой.

Салон также прекрасно отвечал своему званию и уровню. Здесь к услугам публики была пара ломберных столиков, шахматы, журналы, книги, музыка – в углу на возвышении скучали инструменты для небольшого оркестра, а рядом с ними красовался рояль. За последним юная барышня рассеянно листала нотную тетрадь.

Общество собралось небольшое – палуба первого класса вмещала до двадцати пассажиров – и действительно блестящее. Впрочем, беспокоился Александр Александрович напрасно: собравшиеся путешественники находились в приподнятом расположении духа, атмосфера воцарилась весьма непринужденная. Знакомились запросто – все равно некому было представить пассажиров друг другу; столь же запросто разбивались по интересам, обсуждали что-то с воодушевлением – таким, которого никогда не услышишь в салонах.

Шуховской опомниться не успел, как нашел себя за вистом в обществе жены, баронессы Меллер и ее племянника, подпоручика Пешкова, который сопровождал пожилую тетюшку и скучал еще более отчаянно, нежели полицейский чиновник: его сверстников в салоне первого класса не наблюдалось. Только девица за роялем, которая принялась за несложную пьесу, но над той коршуном парила строгая матушка с таким взором... Александр отлично понимал поручика: не столь уж хороша была девица, чтобы ради нее так рисковать. За картами спокойнее, даже с тетюшкой. И все же не попытаться удрать он не мог.

– Ничего, Сереженька, с тобой не произойдет, если не помчишься прямо сейчас заводить знакомства во втором классе, – холодно осаждала его тетка на предложение найти другого, более опытного игрока. – Составите вот пару господину Шуховскому, а мы с его супругой вас охотно оставим.

Мужчины переглянулись – и ощутили в это мгновение поразительное родство душ. Возражать не стали оба, и оба же, к собственному удивлению, вскоре увлеклись игрой.

Сухая, долговязая, едкая и острая на язык баронесса с седой прической, собранной под старомодную маленькую шляпку с цветами и перьями, составляла замечательный контраст Агате Германовне. Маленькая, кругленькая, улыбочивая, в новенькой широкополой соломенной шляпке с лентами и почти без седины в светло-русых волосах – она никогда не была красавицей, но всегда обладала живым очарованием, которое с возрастом ничуть не померкло.

И держались за игрой они точно так же, как выглядели. Меллер отпускала колючие насмешки, не щадя и себя саму, когда делала неудачный ход или неловко брала карту. У нее заметно подрагивали руки, и, как бы баронесса с этим ни боролась, победить старость не хватало даже ее характера. Зато Агата ловко смягчала острые углы в разговоре, притупляла ядовитые шпильки невинными добродушными замечаниями и теплыми улыбками. Их стараниями завязавшаяся непринужденная беседа пришлась по нраву всем участникам.

– Ах, вы сыщик? – заинтересовалась баронесса, когда Агата вскользь упомянула службу супруга. – Что ж, если меня убьют из-за наследства, можно быть покойной, что хотя бы здесь убийца не сбежит от лап правосудия.

– Какое убийство, тетушка? Бог с вами, вы скорее трагически погибнете от отравления, прикусив язык, – не удержался Сергей. – По какой статье подобное происшествие следует рассматривать, Александр Александрович?

– Современная следственная практика подобных случаев не помнит, – невозмутимо отозвался тот. – Если происшествие случайное – то и полиции до него дела нет, а если кем-то подобный укус спровоцирован – то можно и поработать.

– Надеюсь, наше путешествие пройдет без подобных эксцессов, – укоризненно посмотрела на мужа Агата. – Право слово, довольно и в Петрограде сомнительных смертей. Едва ли найдется глупец, готовый совершить преступление в столь тесном обществе и ограниченном пространстве.

– Вы не правы, моя дорогая, – возразила баронесса. – Если бы преступник понимал, что его поймут, он никогда бы не совершил своего злодеяния. Корабль не столь уж мал, народу здесь прорва, зато и жертва под рукой. Верно я говорю, Александр Александрович?

– Вы рассуждаете как заправский сыщик, Елизавета Аркадьевна. Но все же я надеюсь, что обойдется без трагических происшествий, – поспешил добавить он, поймав новый осуждающий взгляд супруги.

– Как знать, – поджала губы Меллер. – Нынче весь мир словно с ума посходил. Террористы, лозунги, свары, всем крови подавай...

Продолжить разговор они не смогли: всех пригласили к ужину, где к их четверке за столом присоединились новые люди. Графиня Дольская, великолепная ухоженная статная дама неопределенного возраста, с крупными сапфирами в ушах и прическе, была одета по моде начала века, но ей, с ее стройной фигурой, этот фасон очень шел, подчеркивая тонкую талию. С ней же оказался грузинский князь Геловани – импозантный мужчина с повадками стареющего ловеласа, – который благоразумно переключился с юных прелестниц на особ постарше. Поначалу он расточал комплименты всем дамам, но получил пару досадных ранений от острого как бритва языка баронессы и отступился от нее, а там и вовсе сосредоточился на вдовой графине, осознав, что Агата Германовна с мужем, который явно не потерпит лишнего.

– Скажите, ваше сиятельство, – обратилась к Дольской баронесса вскоре после первого блюда (пусть не любимые домашние щи, по которым Александр тосковал, но уха вышла весьма недурственной). – Вы не из московских ли Дольских? Знала я одного господина вашей славной фамилии... – мечтательно (или мстительно?) сощурилась она.

– К сожалению, ничего не могу сказать о том господине, госпожа баронесса, – невозмутимо отозвалась графиня. – Род моего покойного супруга, светлая ему память, происходит из Владимирской губернии, там и родня его проживает.

– Как вдова вдове могу только выразить восхищение, что супруг оставил вас с достойным наследством. Прекрасные сапфиры, – с желчной усмешкой проговорила Меллер. – Фамильные?

– Нет, сделанные по заказу. – Графиня и бровью не повела в ответ на замечание, граничившее с оскорблением. – Я бы все отдала, лишь бы Алеша вернулся с той проклятой войны живым, но Господь распорядился иначе.

– Очень сочувствую вашему горю, – тихо проговорила Агата, неосознанно коснувшись руки мужа.

– Благодарю, – сдержанно улыбнулась та. – Но прошу, давайте о другом. Мне кажется, войны и потери – весьма неподходящая тема для застольной беседы. Тем более в такое тревожное время, в преддверии новой смуты...

– Ну что вы, ваша светлость! – поспешил утешить ее князь. – Не думайте, война решительно невозможна, Государь этого не допустит!

– Да, разумеется, – бледно улыбнулась она. – Простите, подобные воспоминания всегда заставляют меня думать о дурном...

Меллер явно так не считала, но, оказавшись в очевидном меньшинстве, сосредоточилась на ужине, лишь изредка отпуская колкие комментарии, но больше не цепляясь к Дольской столь прицельно и упрямо. Они как будто не были знакомы раньше, и совершенно непонятно, отчего баронесса так невзлюбила с первого взгляда сдержанную, элегантную попутчицу. Может, именно за это?..

Болтал больше Геловани, но беседу вел весьма ловко – когда этому не мешала баронесса. Ей он перечить то ли не смел, то ли не умел и каждый раз терялся, однако быстро брал себя в руки. Дольская его внимание принимала благосклонно, и князь буквально расцветал от каждого обращенного к нему слова.

После ужина вернулись к оставленной партии, но прежнее удовольствие от игры не вернулось. Баронесса сделалась невнимательна настолько, что даже Агата не выдержала:

– Скажите, Елизавета Аркадьевна, что вас так расстроило? Я могу чем-то помочь?

– Вы добрая душа, дорогая Агата Германовна, это редкое качество. Куда чаще встречаются лжецы и лицемеры. Все лгут. – Она метнула короткий острый взгляд куда-то в салон. В графиню или князя? Или в кого-то еще, вышедшего только к ужину? – Не обращайтесь внимания. Во мне слишком много желчи, вот она и ударила в голову, и та разболелась, – сухо улыбнулась она. – Простите старуху, я пойду прилягу. Серж, ступайте развлекаться.

Ходила она, опираясь на отделанную красным деревом трость с серебряным набалдашником в виде головы лошади, и, хотя старалась не хромать, все равно чувствовалось, что каждый шаг дается с трудом и держится она на одной только нестигаемой воле.

Поскольку партия на том закончилась, а Сергей, извинившись, и правда удрал из салона первого класса, Шуховской предложил супруге уйти в каюту.

– Знаете, дорогая Агата, – задумчиво заключил он, – вы, как всегда, были правы. Тут действительно собралось весьма занятное общество...

* * *

7 июня 1913 года

Первая остановка парохода состоялась в Варне. Кто-то из пассажиров, включая чету Шуховских, с большим удовольствием прогулялся по старинным улочкам и поужинал в мест-

ном заведении, которое воспринималось уже изрядной экзотикой, хотя, казалось бы, все знакомое, те же блюда можно и в Петрограде найти.

Погода проявила снисхождение и разбавила жару приятным ветром с моря, так что время прошло чудесно. Не горевали, впрочем, и те, кто не пожелал спускаться на берег, подобно сославшейся на нездоровье графине Дольской. Она уверяла, что чудесно отдохнула в тишине, а Варна ей совсем неинтересна – то ли дело Константинополь!

Вскоре после отплытия пассажиров пригласили к завтраку. Произвольная, кто как пожелает, рассадка за столами добавляла обществу непривычной свободы – и развлечения. Сегодня Шуховские оказались в компании графини Дольской и сопровождавшего ее Смольянинова. Отставной полковник был молчалив и в общем разговоре не участвовал, только заботливо и немного неловко ухаживал за спутницей.

Лицо его казалось Александру знакомым и вызывало смутные неприятные ассоциации, что не добавляло симпатии. Он уже выяснил, что на Восточной войне они не пересекались и жил новый знакомый в Екатеринодаре, но избавиться от досадного навязчивого чувства не выходило.

Но сейчас Шуховской упрекнуть его не мог: у него тоже не было настроения на светские беседы, так что разговор вели дамы – ни к чему не обязывающий, светский и почти пустой. О погоде, путешествии, морских красотах и Варне. Судя по всему, графиня действительно бывала там раньше, во всяком случае, разговор поддерживала уверенно и вопросы задавала с пониманием.

Беседу прервали звон за столиком позади Шуховского, на который все обернулись, и раздраженный голос Геловани.

– Как можно при такой профессии иметь настолько кривые руки? – отчитал он стюарда, который, наливая вино, неуклюже смахнул бокал.

– Простите, сударь, – с каменным лицом коротко поклонился тот – молодой мужчина весьма привлекательной наружности. Голос был под стать: низкий, хорошо поставленный, с выразительной хрипотцой. Услышишь – вовек не забудешь. – Я немедленно все уберу.

– Такое вино расплескал, эх! – недовольно качнул головой князь.

– Все-таки он чрезмерно суров с юношей, – посетовала Агата, – вы не находите?

– Горячая южная кровь, – неодобрительно поморщился полковник.

– Анна Олеговна, все в порядке? – окликнула Шуховская графиню, которая замерла, опустив голову и глядя в стол перед собой с непонятым выражением лица.

– Да? – вздрогнула та, подняв взгляд. – Простите, я задумалась... О чем вы говорили?

– Заза Вахтангович слишком суров к этому юноше, он всего лишь разбил бокал, – пояснила Агата. – Говорят, грузины знают толк в вине, но уж слишком бурно он отреагировал... Да вы что-то побледнели, дорогая, вам нездоровится?

– Немного закружилась голова, – слабо улыбнулась графиня. – Простите, со мной порой случается.

– Вы слишком мало едите, – заметила Агата укоризненно. – Возьмите еще тарталетку, они чудесные и очень легкие...

– Благодарю, правда, все в порядке. – Улыбка стала живее. – Уже все прошло.

Однако до конца завтрака Дольская оставалась такой же рассеянной и отвечала невпопад, каждый раз вскидывая взгляд, когда кто-то заходил в салон, так что разговор быстро сошел на нет, а там она вовсе извинилась и первой ушла к себе в каюту. Смольянинов немедленно тоже откланялся.

Вскоре после завтрака общество собралось на палубе у правого борта: совсем близко к «Княгине Ольге» шла стая дельфинов. Морские обитатели словно намеренно красовались, не видя в пароходе угрозы, перепрыгивали из ломаной корабельной тени в открытую воду – и обратно. Они то и дело вылетали из воды, показывая блестящие спины, чем вызывали бурные

обсуждения и неподдельную радость у наблюдающих. Не только женщины, но и некоторые мужчины не сдерживали восторженных восклицаний, оживленно обсуждали то небольшое, что слышали о дельфиновых повадках.

Шуховской восторгов общества не разделял, за представлением из-за спины супруги наблюдал благосклонно, но больше поглядывал на окружающих людей. К погоде он притерпелся, к тому же поднявшийся вчера утром достаточно прохладный ветер сопровождал их и теперь, так что южная жара перестала угнетать. Агата Германовна чувствовала себя превосходно, и он поминал добрым словом доктора и его совет: кажется, с рецептом полного выздоровления он угадал. Она все еще была чуть менее энергична, нежели до болезни, но уже бодрала и пребывала в прекрасном настроении.

Момент, когда слабость Агату все-таки одолела, он заметил тотчас же и предложил:

– Душа моя, пойдёмте присядем.

Для удобства отдыхающих здесь, под навесом от солнца, стояли легкие плетеные кресла с удобными подушками на них. Сейчас почти все пустовали.

– Не так уж и плох этот круиз, не так ли? – с умиротворенной улыбкой проговорила Агата, усаживаясь на предложенное место, и благодарно кивнула супругу, который заботливо поправил ей подушку под спиной.

– Вы, как всегда, были правы, – отозвался Александр со смешком.

К здешнему обществу он тоже привык и нашел его не настолько обременительным, как опасался. Оторванность от дома и совместное затворничество действовали на людей умиротворяюще, подталкивали отбросить лишние церемонии.

Очень показательной деталью было, например, то обстоятельство, что решительно все пассажиры первого класса предпочитали выходить на прогулочную палубу через двери для слуг: так было быстрее. Парадные выходы вели из салона первого класса на крытые галереи вдоль бортов по бокам жилой надстройки, и уже те выводили на палубу. Другой путь тоже начинался в салоне, по длинному коридору с каютами по обе стороны он выводил на площадку, через которую то и дело кто-то проходил. Там, в нишах, прятался спуск вниз, к кухне, и подъем на капитанский мостик, расположенный ярусом выше. От суеты каюты первого класса ограждала роскошная двойная дверь в стиле модерн с витражами, сама по себе произведение искусства, от палубы – еще одна, куда проще и по хорошей погоде открывающаяся.

Славным малым оказался и капитан корабля, порой составлявший пассажирам компанию, – отставной военный моряк Сергей Семенович Будкин, который после Восточной войны предпочел мирную службу. Сошелся накоротке Александр и со старым графом Осипом Дмитриевичем Гурьевым – большим оригиналом, человеком чрезвычайного ума и редкой скромности, сколотившим немалое состояние благодаря нескольким громадным заводам, – и его милейшей супругой.

Гурьевы плыли на Всемирную выставку в бельгийском Генте, где демонстрировались некоторые детища графа. Ехали дальним кругом, потому что спешки не было, да и набраться приятных впечатлений хотелось. Осипа Дмитриевича, большого гуманиста и сторонника просвещения, нешуточно коробило от некоторых тамошних порядков вроде устроенного на выставке человеческого зоопарка, но некоторые контракты требовали личного присутствия.

Да и остальные попутчики оказались достаточно милы. Общество быстро притерпелось даже к злomu языку баронессы Меллер: все слишком радовались прекрасной погоде и новым впечатлениям, чтобы расстраиваться из-за пустяков.

– Хорошо, что ей стало лучше, – заметила Агата, увидев Дольскую в окружении сразу двух кавалеров: Смольянинова и грузинского князя. – Как вы думаете, мой дорогой, из этого что-нибудь выйдет? – Она жестом привлекла внимание супруга к этой группе.

Эти двое боролись за внимание дамы весьма энергично, но пока не переходили черты, хотя друг о друге отзывались нелестно. Даже странно, что утром полковник ограничился в адрес соперника всего одной, почти нейтральной репликой.

Графиня держала обоих на почтительном расстоянии, но никого не гнала, очевидно получая удовольствие от внимания. За этим романом с интересом наблюдало все общество: не столь уж много здесь имелось развлечений. Князь был горяч и порывист, офицер – упрям и настойчив, и шансы были равны.

– Скандал, – уверенно ответил Александр. – Дай бог, чтобы без дуэли или мордобоя.

– Куда подевался весь ваш романтизм, мой дорогой? – укорила Агата. – Вы стали совершеннейший сухарь!

– Увы, – отрицать очевидное он не стал, – полиция слишком часто видит последствия такой вот конкуренции.

Но склониться и поцеловать руку супруги он все-таки догадался.

То ли говорила в нем мужская солидарность, то ли пустили корни брошенные в первый вечер баронессой Меллер сомнения, а только Шуховскому были несимпатичны все трое, но больше других – графиня. О покойном муже она как будто горевала – а знаки внимания принимала с видимой охотой. Да утреннее недомогание ее казалось лишь способом привлечь внимание и придать себе флер загадочности. Домыслы, конечно, притом недостойные, и, по совести, корить ее было не за что, но и принимать участие в происходящем Александру не хотелось, даже мысленное.

Первым от почти неразлучной троицы откололся полковник и ушел в сторону кают. Вскоре Дольскую позвала составить ей компанию за лимонадом Гурьева, и князь тоже покинул палубу, оставив предмет своего восхищения в женском обществе. Шуховской нашел это прекрасной идеей – не общество, конечно, а лимонад – и подозвал стюарда. Агата достала из шелковой сумочки небольшой клубок и крючок – она обожала вязать ажурные салфетки, скатерти и воротнички.

– Как думаете, Сашенька, не стоит ли навестить Елизавету Аркадьевну? Она не была за завтраком и до сих пор не выходила на палубу, а она так любит принимать солнечные ванны до полудня!

– Полагаю, стоит подождать до обеда. Племянник же говорил, что тете нездоровится.

Яркое солнце, уютная густая тень от навеса и прекрасный прохладный лимонад располагали к неторопливой беседе. Ветер сносил дым паровых труб в сторону, машинный гул доносился негромко и вплетался в шум моря, голоса не досаждали, а звучали умиротворяюще. Шуховской, наслаждаясь этим погожим деньком, радовался, что собрался с женой в это путешествие сам, не отправив кого-то из сыновей. Александр им вполне доверял, но все же молодости свойственна легкомысленность в вопросах здоровья, и позаботиться о супруге он предпочел самостоятельно. Безусловно, важнее всего было ее самочувствие, но и ему такой отдых, оказывается, кстати.

– Вы, мой дорогой, нынче особенно похожи на Ваську в Масленичную неделю, – не удержалась Агата.

Шуховской только рассмеялся в ответ. Васькой звали их домашнего черно-белого кота. С хозяином его роднили солидная комплекция и масть: у кота на белой морде красовались широкие «нарисованные» усы и «шапочка», походившая на волосы. Сходство первой отметила дочка, которая и притащила пять лет назад тощего и облезлого кошачьего подростка. С тех пор кот вырос в прекрасного крысолова и сибарита, любимца всей семьи.

Но лень как рукой сняло, когда из дверей, ведущих в каюты первого класса, выскочила молоденькая девица. Это была горничная одной из дам, Шуховской не сразу вспомнил которой, и пару минут назад она в прекрасном настроении миновала эти двери в другом направлении, неся в руках небольшую корзину с бельем.

Что-то случилось, что-то плохое, это было очевидно по ее посеревавшему лицу и испуганно округлившимся глазам.

Шуховской вскочил с кресла, но не успел приблизиться: девушка потеряла сознание и рухнула на доски палубы. К ней тут же бросились проходивший мимо стюард и пара оказавшихся поблизости мужчин: они подхватили, бережно перенесли на ближайшее свободное кресло. Привести ее в чувство, однако, не успели, хотя одна из дам достала из сумочки нюхательные соли: всех заставил вздрогнуть переливчатый визг.

В коридор первым бросился Шуховской, следом за ним – еще несколько мужчин. Внимание привлекла распахнутая дверь одной из кают. Одновременно через противоположную дверь вошли люди из салона, привлеченные криком – общие двери звуки не глушили.

В роскошной гостиной при входе обнаружилось неожиданное лицо: там стояла совершенно невозмутимая баронесса Меллер со своей неизменной тростью, на которой она сложила сухие узловатые пальцы.

– Сударыня, это вы кричали? – растерянно спросил граф Гурьев, который вышел из салона и оказался на пороге каюты первым.

– Я, – сдержанно кивнула она.

– Но... почему? – Он изумленно поднял брови.

Она лишь молча указала вперед тростью. Там, при входе в спальню, лежало тело: светлая юбка приоткрывала женские лодыжки. Граф кинулся было вперед, но его остановил оклик Шуховского:

– Подождите! Позвольте мне взглянуть.

Судя по лицу выбежавшей отсюда служанки, ее госпожа не просто упала в обморок. Хватило сделать пару шагов в каюту, чтобы обнаружить главную причину испуга: из живота тела торчала рукоять ножа, а светлое муслиновое платье пропиталось кровью.

– Я видела, как отсюда выскочила девчонка, горничная графини, – холодно проговорила баронесса. – Так и знала, что добром все это не кончится.

– Елизавета Аркадьевна, почему вы кричали? Вы не выглядите напуганной, – посмотрел на нее Александр.

– Зато все немедленно примчались на помощь, – холодно усмехнулась она, указав набалдашником трости на дверь, возле которой озадаченно топтались пассажиры. – Я буду на палубе, если пожелаете задать вопросы.

Растерянные наблюдатели расступились перед баронессой, словно воды перед Моисеем, не смея возразить ни слова и не мешкая.

– Господа, произошло убийство. Прошу всех освободить каюту. Ваше сиятельство, не будете ли вы столь любезны отправить кого-то из obsługi за капитаном и доктором?

– Да, конечно, я в вашем распоряжении! – склонил голову граф, и проход наконец освободили вовсе.

Еще пару тех, кто все утро неотлучно находился на палубе и никак не мог совершить злодеяние, Александр попросил присутствовать при обыске в качестве понятых.

К тому моменту, как появился доктор, а следом за ним – взвинченный и бледный Лейнц, представитель компании, Шуховской уже бегло осмотрел комнаты, оценив размах предстоящего обыска, объяснил привлеченным в роли понятых офицерам их долг и принялся составлять протокол.

– Что вы здесь делаете?! – воскликнул Лейнц, окинув диким взглядом каюту. При виде тела на полу он позеленел.

– Веду следствие, – ответил Александр, поднявшись из-за туалетного столика, у которого сгибался над листом бумаги. Этот неудобный уголок он выбрал для письма по простой причине: там не было ящичков, сверху в строевом порядке размещались какие-то баночки, флакончики и прочие женские мелочи – словом, выглядел уголок наименее интересным убийце. –

Надворный советник Шуховской, сыскная полиция Петрограда. Считаю необходимым разобраться с этим убийством.

– Убийство! – возмущенно выдохнул Лейнц. – Об этом я и хотел поговорить! Не произносите это страшное слово!

Худощавый, суетливый, с темными кудрями и залысинами на лбу, он неплохо смотрелся бы в роли поэта.

– Простите, а как мне это называть? – нахмурился Александр.

– Позвольте вас на два слова. – Лейнц доверительно взял его за локоть, отвел в угол, нервно косясь на труп, над которым без всякой команды уже колдовал что-то корабельный врач, и зашептал страшно: – Дорогой Александр Александрович, необходимо что-то с этим сделать. Мы не можем говорить об убийстве, это совершенно исключено! Может быть, несчастный случай? Госпожа как-то неудачно повернулась...

– Попытка сокрытия преступления, – Шуховской и не пытался понизить голос, хотя представитель компании на него яростно зашикал, – тоже преступление, сударь. Я надеюсь, мне не нужно напоминать, что угрозы должностному лицу или попытка дачи взятки относятся туда же?

– Что вы, что вы, какие взятки! Так, маленькая компенсация неудобств, – заискивающе улыбнулся Лейнц. – Лишь бы не беспокоить уважаемых пассажиров...

– Одного из ваших уважаемых пассажиров только что зарезали. – Шуховской глядел на него сердито, строго и словно даже сделался в этот момент выше ростом, стройнее и шире в плечах. Мысль о том, что преднамеренное убийство могут попытаться замести под ковер, приводила его в негодование, граничащее с яростью. – Даму. Графиню. Чью безопасность вы лично гарантировали при посадке на борт. А теперь ступайте и пригласите капитана или первого помощника!

– Я вам этого так не оставлю! – мстительно пообещал Лейнц.

– Как вам будет угодно, сударь. Но кого-то из командования корабля все же пригласите. После этого наконец удалось спокойно приступить к следственным действиям.

Тело графини Дольской лежало на спине, одежда и прическа женщины пребывали в беспорядке. Вероятно, она заглянула в спальню, а оттуда выскочил убийца. Все, что бедная женщина успела сделать – это развернуться и кинуться к двери. Даже если она кричала и звала на помощь, за закрытой дверью никто этого не мог услышать: забота о покое пассажиров предсказуемо оказалась палкой о двух концах.

Врач сразу честно предупредил, что в судебной медицине плох, и только подтвердил выводы, уже сделанные Шуховским. Тело было еще теплым, убили ее совсем недавно, но это и так очевидно: прошло меньше получаса, как она ушла с палубы и, очевидно, вскоре после этого погибла. Кто-то набросился сзади, с силой сдавил ее горло, прижал к себе и всадил под ребра нож. Рукоять орудия убийства походила на кортик, но была меньше и изящнее. Кажется, нож был для бумаг.

– Сложно сказать точно, но при таком ударе лезвие наверняка проткнуло сердце, и бедняжка хотя бы недолго мучилась. Обратите внимание, оружие вошло под углом.

– Удар правой рукой, – разглядывая рукоять, предположил Шуховской. – И очень сильный, по рукоять вошло... Прошу, когда будете доставать оружие, сделайте это в перчатках и заверните нож в чистую бумагу, ни в коем случае не протирая, – попросил Александр. – Или вообще его не трогайте, особенно рукоять! Я приду и сам выну.

Метод дактилоскопии был известен еще недостаточно широко, и это давало надежду, что убийца о нем не слышал и оставил отпечатки.

– Как вам будет угодно, – проявил редкую невозмутимость – или осведомленность – пожилой эскулап.

Тут очень кстати явился старший помощник, который смог организовать и носилки, и тех, кто доставит их в лазарет, – не просить же о таком пассажиров! – и присмотр за коридором, чтобы никто не шнырял туда-сюда бесцельно.

Когда тело унесли, Шуховской принялся за обыск. Понятые возмутились, когда полицейский заглянул в комод с бельем погибшей, насилу успокоил чрезмерно щепетильных господ и убедил, что для дела это важно.

Не солгал. Как человек давно и глубоко женатый, да еще имеющий на попечении двух дочерей, Александр большим знатоком всех этих дамских мелочей не был, но все же знал, за что именно платит изрядные суммы, и мог отличить дорогую ткань и тонкую работу от вещей попроще.

Наряды у графини Дольской были достаточно сдержанные в отделке, но прекрасного качества, соответствующего ее титулу и положению, а вот белье – несравнимо проще, из того, на что Агата Германовна бы только чуть сморщила курносый нос и мягко назвала бы неподходящим. И это при том, что Шуховских не назвать богачами.

Кроме этого контраста, который сам по себе вызывал подозрения, внимание зацепилось только за отсутствие драгоценностей, которые госпожа графиня часто меняла, до сих пор не появившись на людях дважды в одном и том же. Сейф, бесхитростно спрятанный за посредственным масляным натюрмортом в спальне, был очень ловко и умело вскрыт. Впрочем, там и замок-то слова доброго не стоил, на этом при оборудовании корабля решили сэкономить.

Пока картина складывалась очевидной. Вор пробрался в каюту в намерении забрать драгоценности, но хозяйка не вовремя вернулась и застала его за кражей. Преступник схватил нож со стола в спальне – там стоял богатый письменный прибор, и нож гармонировал с ним декором на рукояти.

Вот только эта очевидная картина Шуховскому категорически не нравилась.

Кораблю предстояло еще несколько остановок, следующая из которых – в Константинополе. Пассажирам предлагалась большая прогулка по городу с осмотром достопримечательностей, от которой не отказалась ни Дольская, ни даже баронесса Меллер со своими больными суставами. Почему нельзя было совершить кражу именно тогда?

Если только вор не был в числе пассажиров первого класса. В таком случае, останься он один на корабле, это неизбежно вызвало бы вопросы после обнаружения пропажи. Но тогда никто не мешал сразу сойти с корабля!

Столь хладнокровное убийство... У преступника было не так много времени, чтобы принять решение, но оно было. Вряд ли графиня бегом направилась в спальню. Она вошла, наверняка поправила перед зеркалом прическу... Если Шуховской хоть что-то понимал в женщинах, пройти мимо туалетного столика Дольская, все еще весьма привлекательная и явно дорожающая своей наружностью особа, не могла, тем более пришла она с палубы, где задувал ощутимый ветер. Но преступник вместо того, чтобы спрятаться – хватало места, например, под кроватью или в стенном шкафу, – схватился за попавшееся под руку оружие.

Для обыкновенного вора такое решение выглядело странно, оно выдавало человека опытного – в плохом смысле. Такого, который убивал не впервые, а значит, за ним тянулся достаточно длинный хвост из похожих преступлений. Как жалко, что под рукой не было привычной картотеки! Великолепное подспорье несколько лет назад завели в городской полиции – может, и попал уже туда этот злодей?

Закончив с обыском, Шуховской начал с приведенной в чувство горничной Вареньки, отчаянно, до икоты наревевшейся за время обыска, но уже немного успокоенной.

Оказалось, с графиней она познакомилась всего за сутки до отплытия. Ее наняли на время круиза в агентстве в Севастополе – не сказать, чтобы у графини там имелся большой выбор. Всхлипывая, Варенька горячо доказывала, что она очень старалась и «их сиятельство были довольны». Со слов прислуги, Дольская рисовалась ровно такой, какой представлялась

и дворянскому обществу: сдержанная, аккуратная, деликатная, бережливая, но не скупая – странная черта, но, возможно, именно этим объяснялось недорогое белье? Она не повышала голоса, была скромна и приветлива даже с прислугой, не переступая, однако, определенной черты.

Варвара в горничных была недавно, но успела оценить непривередливость и такт графини. Она искренне надеялась, что после круиза Дольская заберет ее с собой, потому что одно удовольствие было прислуживать столь милой особе, которая не требовала невозможного, не распускала рук и даже голоса не повышала. Вела она интересную и насыщенную жизнь, много путешествовала, часто отправлялась в круизы, в Константинополе бывала не раз – и не кичилась этим, просто упомянула вскользь и даже как будто расстроилась из-за этого невольного хвостовства. Личная горничная при такой особе тоже могла бы мир посмотреть...

Неизвестно, что горничная оплакивала больше: добрую женщину или свое неслучившееся будущее, но выглядела в своем горе искренне.

Она же показала, что покойная графиня хранила все свои драгоценности в шкатулке, которая и пропала из спальни. Шкатулка была, как охарактеризовала ее Варвара, «забавной»: вся в красочных цветных фигурах, значках, с узорчиками и диковинными птицами – в общем, явно современная работа, возможно, какого-нибудь модного ювелира. Причем вещица оказалась крупной и увесистой: больше трех вершков высотой и по две пяди на сторону, скорее уж ларец.

После этого разговора Шуховской обратился к помощнику капитана с просьбой организовать постоянную и не слишком навязчивую охрану в обоих концах коридора, призванную наблюдать, кто в какую каюту заходит, для чего в дверных витражах, улучив момент, вытащили по стеклу. Сторожить оставили самых надежных парней с проверенным алиби, обрядили швейцарами – развлечение такое мало кому пришлось по нраву, но прибавка к жалованью решила проблему. Также им был дан приказ досматривать все, что вносит в коридор прислуга, а если вдруг что-то достаточно крупное попытается вынести пассажир – немедленно звать сыщика.

Лейнц пытался это запретить, но спор с капитаном был обречен на провал: команда подчинялась именно ему, а Будкин дал Шуховскому полный карт-бланш. Не жаловался на возможные проблемы, но очень попросил поскорее найти убийцу: победителей не судят. Кто бы спорил!

Александр постарался вспомнить, кто выходил в последний час на палубу с чем-то объемным, благо все это время он просидел в кресле и развлекался именно что наблюдением за отдыхающими. Был стюард с большим подносом, на котором он выносил посуду с чьего-то завтрака, но там не стояло ничего настолько крупного. Был еще солидный мужчина в неброской форме, но он вообще выходил с пустыми руками. Да еще пассажиры, но ничем крупнее бокала или зонтика от солнца никто себя не утруждал.

Потом Александр отправился разговаривать с прислугой в салоне первого класса – с теми из них, кто по долгу службы не отлучался из помещения. На разговоры ушло больше часа, но зато, к собственному удовольствию, Шуховской смог не только убедиться, что шкатулку не выносили в салон, но и заметно ограничить количество подозреваемых. Убийца должен был войти незадолго до графини и выйти лишь после того, как она оставила палубу, или вовсе не покидать злополучный коридор.

Таковых благодаря хорошей погоде и подходящему для прогулок времени нашлось немного: оба ухажера покойной графини, стюард, уборщик – тот самый мужчина в униформе, – баронесса и еще пара женщин весьма хрупкого сложения, едва ли кто-то из них мог удержать Дольскую. Еще в императорском люксе хлопотала личная прислуга, которую тоже стоило поставить в конец списка подозреваемых: новых и случайных людей там не было. Все они могли зайти в каюту незадолго до графини, все могли рассчитывать, что она задержится на палубе подольше, но основных подозреваемых выходило четверо.

Вариант оставался один: преступник отнес ларец в соседнюю каюту и спрятал там. Казалось бы, простейшая задача: перевернуть каюты. Вот только о таком простом решении оставалось лишь мечтать, потому что никто ему не позволит копаться в вещах пассажиров первого класса. Если кого-то, вроде графа Гурьева, он еще мог уговорить на неофициальный осмотр покоев, то к другим даже подступаться не стоило без убедительных оснований.

Вот неприметную каморку у двери, в которой хранились инвентарь для уборки, какой-то инструмент и прочие хозяйственные предметы, Александр осмотрел внимательно. Конечно, все оказалось не так просто, и ларца там не было.

Шуховской навестил лазарет. Доктор его не послушался, нож извлек, чтобы провести вскрытие, но сделал это аккуратно, каким-то медицинским зажимом, так что проверить отпечатки удалось. Жаль только, без пользы: все смазанное, ничего пригодного для опознания.

По словам доктора, Дольской не было и пятидесяти, а вероятно, ближе к сорока, и была она весьма здоровой и крепкой особой, так что барышень из числа подозреваемых он исключил верно.

Оставалось самое ответственное: допрос пассажиров и подозреваемых. И первым делом Шуховской обратился к графине Гурьевой, которая последняя разговаривала с жертвой.

С ее слов, к себе Анна Олеговна отправилась по простой причине: неловко дернулась и расплескала лимонад себе на подол.

– Вы думаете, это была случайность? – уточнил Александр.

– Не знаю, что и думать. Пока вы не спросили, я и допустить иного не могла, – проговорила графиня, задумчиво хмурясь. – Это не было нарочито, но все же... Осип Дмитриевич, помните, я вам говорила, что с ней что-то неладное?

– Да-да, душа моя, – отозвался супруг, в присутствии которого Шуховской вел беседу. – Вы предположили тогда, что ей досаждают внимание этих двух сударей, но природный такт не позволяет придумать достойный предлог, чтобы их не обидеть, но отвадить.

– Верно. А сейчас я думаю, в них ли дело? Они уж третий день вокруг увиваются и прежде настолько не докучали.

– Вы имеете в виду, ее светлость была чем-то взволнована? – спросил Александр.

– В самом деле, – согласилась графиня. – Дай бог памяти, когда это началось... – хмурясь, пробормотала она. – Как будто после завтрака, потому что перед этим она находилась в прекрасном расположении духа.

– Взволнована – или плохо себя чувствовала?

Сцену за завтраком, когда Дольская отчего-то замерла и побледнела, а после была сама не своя, Шуховской прекрасно помнил.

– Не возьмусь судить. Но она постоянно поглядывала на дверь к каютам. Мне даже стало неловко, как будто ей надоело общество и хотелось уединиться...

К сожалению, других деталей Гурьевы не припомнили, но и сказанное давало пищу для размышления. Дольская плохо себя почувствовала или ее выбило из колеи что-то другое?

Уж не являлось ли убийство изначальной целью, лишь для вида прикрытой кражей драгоценностей? Да, оружие злодей нашел в комнате жертвы, но что, если это было частью плана? Не было бы ножа – ударил бы чем-то тяжелым!

Шуховскому не нравилось это дело. Вроде бы простая кража с последствиями, но... Отчего убийца полез туда именно сейчас, а не дождался, скажем, вечера, когда в салоне будут танцы? От какой такой великой жадности вынес всю шкатулку, если горсть украшений запросто мог сунуть в карман и уже этим заработать себе немало денег с куда меньшим риском?

Преступник действовал хладнокровно и уверенно, точно знал, где находится сейф со шкатулкой и как его открыть. Шуховской специально уточнил, в этой части каюты различались весьма заметно. Значит, злодей заранее выяснил, где именно хранятся украшения. Притом Варвара утверждала, что о шкатулке хозяйка никому не рассказывала, да и она сама не болтала

лишнего. Конечно, нужные сведения можно было получить у кого-то из прислуги за небольшое вознаграждение, но...

Что-то не клеилось. Или, быть может, то протестовало чутье сыщика?

Слишком много странностей было связано не только с преступлением, но и с убитой, и Шуховской решил для начала поговорить с человеком, первым обратившим на них внимание.

– Здравствуйте еще раз, ваше благородие, – склонил он голову, когда немолодая чопорная горничная открыла дверь и пригласила его к баронессе. Роскошная каюта явно была больше, чем у покойной графини: здесь была весьма просторная гостиная, где Меллер и согласилась принять посетителя.

– Присаживайтесь, Александр Александрович, – царственно повела она рукой в сторону свободного кресла. – Хотите спросить, не я ли убила эту бедняжку?

– Ну что вы, и в мыслях не было, – заверил Шуховской почти искренне. Было, но едва ли баронесса могла нанести тот удар. Воли хватило бы, а вот силы и твердости руки – нет. – Мне запомнилась одна сцена в первый вечер здесь...

– А вы цепкий человек, сударь, – усмехнулась она. – Не трудитесь, с памятью у меня, к счастью, все прекрасно. Избавлю вас также от необходимости задавать навоящие вопросы, сразу помогу следствию. Дольская была обманщицей.

– Что вы имеете в виду?

– Я уж не знаю, – с усмешкой сказала Меллер, – какая она была графиня, но драгоценности у нее – подделки. Во всяком случае, все те, которыми она блистала. Хорошего качества, но подделки.

– Почему вы так уверены?

– Мой отец был ювелиром, до замужества я ему помогала, да и после увлекалась – муж не возражал, – пояснила баронесса. – Он считал это милой причудой. Так вот, я уверяю, что подлинных драгоценностей, если они имелись, ее сиятельство не показывала. Жаль, вы сейчас не сможете узнать, существует ли во Владимирской губернии графский род Дольских... Но вы как будто не особенно-то и удивлены?

– Не удивлен, – не стал он пояснять.

Фальшивые драгоценности куда лучше подлинных сочетались с дешевым бельем. Многочисленные путешествия, о которых говорила горничная, вот не вязались, но поди пойми, были ли они на самом деле и откуда деньги на нынешний вояж!

Но неужели опытный, подготовленный вор не сумел отличить подделку? Впервые связался с драгоценностями, соблазнился на огромный куш? Все же шел убивать?..

Он расспросил баронессу, видела она или слышала что-нибудь до того, как зашла в соседнюю каюту и нашла труп, но здесь защита от звуков сработала прекрасно. Утром Меллер нездоровилось, что вынудило остаться в постели, но позже стало легче, она попросила себе легкий завтрак в каюту. Кажется, именно от нее выходил со своим подносом замеченный Шуховским стюард. Вот только точно сказать, сколько времени прошло между всеми этими событиями, баронесса, к сожалению, не могла.

Стюард – статный голубоглазый красавец и явная гроза женских сердец, тот самый, который разлил утром вино Геловани, – держался с нордической невозмутимостью, хотя имя носил вполне русское: Илья Вагин. Он рассказал, что находился в салоне, откуда его отправили забрать посуду из комнаты баронессы и отнести на кухню. Если где-то на пути он задержался на четверть часа, вполне достаточные для совершения преступления, этого никто не запомнил – хронометры по местной прислуге никто не сверял.

Второй из работников, уборщик, назвался Данилой Ряжиным. Это был хмурый крепкий мужчина лет сорока, и на расспросы он отвечал невнятно – путался, не мог сказать, где именно находился, и вообще юлил. Шуховской почти поверил в чудо: неужели повезло и преступник оказался таким валенком? Александр надавил на подозреваемого – и тот «раскололся», что,

прикрываясь уборкой, спрятался в каморке со швабрами подремать. На палубе первого класса было прохладно даже там, а он в жару очень плохо спал, к тому же работа...

А еще у него были очень крупные грубые руки с заскорузлыми пальцами. С трудом верилось, что подобными можно аккуратно вскрыть сейф, да и след на шее убитой был поменьше.

Геловани и Смольянинов заявили, что находились у себя в каютах, желая освежиться и отдохнуть в прохладе перед обедом. Князь едва не закатил скандал уже от одних только формальных вопросов, и Шуховскому оставалось только мечтать плюнуть на титул, скрутить его да сунуть в «холодную», как бывало с такими вот горячими головами дома.

Полковник к тому же уверял, что никаких странностей в поведении дамы сердца ни за завтраком, ни позже не заметил и если барышне вдруг занемоглось, то на настроении ее это никак не сказалось. Поди пойми, действительно ли не обратил внимания или почему-то упирался.

Документы у всех четверых были в порядке (хотя Геловани предъявил их с большим скандалом и угрозами), но Шуховской этим не удовлетворился, предпочел выяснить всю доступную подноготную.

С персоналом это оказалось просто. Уборщик служил на «Княгине Ольге» уже несколько лет и имел несколько мелких выговоров за лень, лишь дополнительно подтверждавших правдивость его слов, за это же его ругало начальство. Стюард нареканий заработать не успел, потому что был нанят незадолго до отплытия: его предшественник слег не то с простудой, не то с переломом.

Совпадение насторожило, но гораздо более интересные результаты дала проверка пассажиров, с которой Александр насел на представителя компании. Вопрос не беспокоил их лично, так что Лейнц даже не слишком возражал. А уж когда вскрылось преинтересное обстоятельство, что один из них не садился на корабль, тут уж стало не до споров с полицией.

У Шуховского же полностью сложилась часть картины, когда среди пассажиров третьего класса попала прекрасно известная фамилия: Смолкин Михаил Ефремович. Сразу стало ясно, где Александр видел лицо лже-Смольянинова. Просто за семь лет он изрядно набрал солидности и отпустил усы, но наметанный взгляд сыщика все равно цеплялся.

Распоряжение не поднимать пока шум с проверкой Лейнц принял с достойным смирением, и хотелось верить, что выполнит.

Разоблачать вора Александр не спешил, потому что снова ничего не складывалось. Смолка был вором умелым и ловким, нахальным и хитрым, но из тех, кто кичился своей «профессиональной гордостью» и едва ли взялся бы за нож. Да и в драгоценностях понимал, неужто купился?

Если доверять чутью, то стоило брать князя да стюарда и трясти, невзирая на ругань. Но даже если князь этот гол как сокол – а за душой у него, судя по единственному щегольскому костюму, было не так уж много, – бездоказательно схватить его Шуховской не мог. Даже стюарда не мог, но перемолвился словечком с капитаном, объяснил ему задачу, и тот охотно выделил пару матросов для слежки за стюардом – половчее и посмышленее, из боевых, служивших в морской пехоте в Восточной войне. Имелись на «Княгине Ольге» и такие. Сам же Александр решил понаблюдать за подозреваемым из первого класса.

Если целью была кража, у преступника осталось не так много времени, чтобы забрать шкатулку или хотя бы часть драгоценностей из тайника. Он должен понимать, что время играет против него. А вот если целью было именно убийство, то на шкатулку ему плевать.

Извинившись перед супругой за то, что оставил ее одну (Агата, впрочем, не скучала, с удовольствием обсуждая с парой женщин происшествие и работу полиции), Шуховской присоединился к обществу, благо оба интересных ему господина оказались на виду.

Геловани был хмур и, кажется, неподдельно печален, но достаточно быстро утешился в обществе госпожи Раевской. Она была здесь с мужем – богатым купцом, дряхлым стариком,

старше жены лет на сорок, – который мало интересовался окружающим миром и поведением благоверной.

Зато Смолка заметно нервничал. Старался не подавать виду, но постоянно бросал по сторонам тревожные взгляды, а когда всех позвали к обеду, и вовсе сослался на дурное самочувствие и ушел.

«Швейцар» подал условный знак, что пассажир зашел в чужую каюту, и через пару минут Шуховскому пришлось снова извиняться перед супругой за то, что оставляет ее в одиночестве.

Дверь императорского люкса была аккуратно притворена, но не заперта. Конечно, она не позволила себе скрипа, когда Александр распахнул и тихо шагнул внутрь.

Смолкин сноровисто и тщательно обыскивал покои, начав со спальни. Простукивал панели, осмотрел шкаф...

– Под кроватью посмотрите, – посоветовал Шуховской.

– Да уже... – отмахнулся тот, вздрогнул и стремительно обернулся. Бросаться с оружием на полицейского и совершать другие глупости, к счастью, не стал.

– Позвольте полюбопытствовать, Михаил Ефремович, чем это вы тут занимаетесь?

– Следствию помогаю! – огрызнулся тот. – Кто вам даст императорский люкс обыскивать? Никто не даст, знаю я, как вы работаете, а я потихоньку...

– Здесь были слуги в момент кражи, – сообщил Александр. Смолка выругался. – Пойдемте, Михаил Ефремович, поговорим по душам.

– Я Елизавету не убивал! Я вообще с воровством завязал, если хотите знать, и требую...

– Вы бы еще громче кричали, вдруг хозяин услышит, – проворчал Александр. – Идемте, пока по-хорошему прошу.

Ушли они недалеко: самым очевидным местом для разговора Шуховскому показалась его каюта. Такой поворот Смолку явно озадачил, на предложенное место он уселся неуверенно, с неловкостью озираясь. Впрочем, предлагать ему напитки и папиросы полицейский не стал.

– Это что же, вы меня в виновные не записываете? – с подозрением уточнил Смолкин.

– А вы что же, признаться хотите? – хмыкнул Александр, вольготно устроившись в своем кресле. – Рассказывайте, Михаил Ефремович, с чего это вы вдруг решили стать Смольяниновым? Красивой жизни захотелось или дело какое замыслили?

Тот клялся и божился, что ничего дурного не задумывал, с прошлым завязал накрепко и давно уже воровством не промышляет, а даже и вовсе стал законопослушным гражданином, службу себе денежную нашел – почти по профессии. Нанялся к Смирновым, которые одни из лучших в империи сейфы делали. Бог знает, как они поверили вору, но подход к людям он всегда умел найти.

Жалованье устраивало, сбережения кое-какие водились (откуда они взялись, Шуховской уточнять не стал), и задумал он остепениться окончательно, а именно – жениться. Связываться с молодухой, будучи в почтенном возрасте, благоразумно не собирался, здоровье не то, а вот найти какую-нибудь вдову, приятную во всех отношениях...

– Вы что же, за Дольской всерьез ухаживать принялись? – не сдержался Шуховской.

– А отчего нет, – возразил тот упрямо. – Женщина приятная, скромная, да и видно, что не больно-то при деньгах. Уж что камения ее все подделки сплошь – это я сразу смекитил, – не без гордости сообщил он. – Вот и думайте, на кой мне стекляшки-то воровать, подставляться, да и ее потом, бедную, убивать?

– Продолжайте.

А продолжать было особо нечем. Платить за билет первого класса он пожадничал, договорился кое с кем, чтобы одна каюта «потерялась», ну и занял ее с полной уверенностью. И все было хорошо у Смолкина – до сегодняшнего дня.

Он прекрасно понимал, что обман вскроется, тем более Шуховского узнал: напрямую они пересекались один раз и давно, но вездливость столичного сыска с обретением им нового

начальства стала костью в горле его извечных противников. Смолкин не придумал ничего лучше, кроме как взяться за поиски самостоятельно, а потом сделать вид, что шкатулку нашел у себя в каюте.

– Если бы я ее украл, я бы или в императорском люксе припрятал, или у вас, уж извините.

– Тем не менее у меня ее нет, и вариантов остается немного. Вы во время убийства были у себя. Видели кого-нибудь? Слышали?

Оказалось, видел: к нему явился разбираться Геловани. Очень ругался и требовал не стоять на пути у его искренних горячих чувств и счастья, но, по мнению Смолкина, личное счастье тот намеревался составить с невиданными богатствами графини, в которые верил безоговорочно.

С одной стороны, алиби князю это не давало – вспомнить, когда именно состоялся визит, Смолкин не мог. Не обеспечивало подобное и невинности рассказчика, но Шуховской все равно едва сдержался от ругательства: какого черта ни один из них не сказал об этом разговоре раньше?! Ладно лже-Смольянинов, он полиции привык не доверять, но если князь – человек честный, ему-то что было скрывать? Или скандала стыдился? Или тоже не такой уж честный?..

Сцену за столом он тоже вспомнил.

– По-моему, она на того хлыща смотрела, с которым ее Варька крутит...

– Какого хлыща? – подобрался Шуховской, а когда Смолкин описал пресловутого стюарда, не сдержался. – Да что ж ты мне голову морочишь?! – едва не подскочил он. – Что ты сразу этого не сказал?! Спрашивал же!

– А я с легашами откровенничать не привык, – зыркнул Смолка. – Ты вот со мной, Александр Александрович, по-человечески поговорил, поверил, что я не крал и не убивал, вот и я тебе честно обсказал. А что, опознал ты этого хлыща?

– Разберемся, – отмахнулся Шуховской. – Ступай, Михал Ефремыч. Спасибо.

– И что, нешто хозяевам здешним не сдашь? – уточнил он с подозрением.

– Если бы ты пришел сразу и все честно рассказал – не сдал бы, – не преминул ворчливо заметить Александр. – А так Лейнц уже знает о подлоге, так что придется тебе в третий класс перебираться.

– И на том спасибо, – вздохнул Смолка. Понимал, что легко отделается, за махинацию могли наказать строже.

Выпроводив бывшего вора, Александр полез в сейф. Семейных драгоценностей у Шуховских не водилось, зато револьвер был с собой – на всякий случай.

* * *

Про Вагина ничего плохого сказать не могли. Спокойный, молчаливый, замкнутый, но аккуратный и исполнительный – и на том все. Он не походил на закоренелого преступника, а вернее, походил на самую опасную их категорию: людей умных и безжалостных, которых всегда бывает очень сложно поймать и которых никакими силами уже не перевоспитаешь. Клеймить его виновным Шуховской не спешил, а все же преступление само говорило о злодее лучше всех стереотипов.

Брать его готовились тщательно, в курсе было всего несколько человек – и, кажется, у них получилось не вызвать подозрений. Во всяком случае, на палубу с подносом с фруктами и шампанским, якобы предназначенным для кого-то из пассажиров, он поднялся невозмутимо. А вот дальше сообразил, что влип, и подтвердил свою виновность яростным сопротивлением.

Поднос отлетел в одного из матросов, второго – здоровяка семи пудов весом – Вагин отшвырнул, как бумажную декорацию, и ринулся к борту, проигнорировав выстрел в воздух и приказ стоять. Опрокинул еще одного матроса... Шуховской не колебался.

Подстреленная нога подломилась. Беглец прокатился по палубе, попытался вскочить, но тут уж раззадоренные моряки не подвели, скрутили.

Вагин не пикнул. Когда его пытались поймать, когда подстрелили. Когда, перетянув абы чем ногу, тащили в лазарет. Даже когда доктор, страшно недовольный навязчивым вниманием Шуховского, доставал пулю, раненый не издал ни звука. Эскулап поглядывал на него озадаченно, но лишних вопросов не задавал.

Александр, наблюдавший за операцией, отчетливо понимал две вещи. Во-первых, допрашивать этого типа бесполезно – совершенно точно, и слова не скажет. Но, во-вторых, куда хуже было то, что это молчание, это пугающее умение терпеть боль – все давало понять, что влез Шуховской в крайне дрянную историю. Не ведут себя так обычные душегубы, и даже выдающиеся – не ведут.

Посадив его под замок и наказав глаз не спускать, Александр пошел выяснять подробности в других местах.

Варвара, когда полицейский заговорил с ней строго и без сантиментов, вновь разрыдалась и во всем созналась. Ну как во всем... Что влюбилась в красавца Вагина без памяти – обходительный, добрый, не пьет ни капельки. Как в такого не влюбиться?! Ну и позволила себе с ним миловаться в хозяйской каюте в отсутствие графини, а больше того, сама похвасталась шкатулкой с драгоценностями и сейф показала. Он видимого интереса не проявил, оттого дуреха на него и не подумала, когда Дольскую убили. Да и стыдно признаться было.

Александр не сомневался, что глупость эта спасла ей жизнь, иначе убийца непременно избавился бы от свидетельницы. Глупость и болтливость, потому что о романе парочки знал не один только Смолкин, и Вагин наверняка побоялся привлечь лишнее внимание.

Пальба на палубе очень впечатлила пассажиров, и это немало помогло их сознательности. Тут уже можно было искать шкатулку не стесняясь, и первым делом Александр обратился к Геловани – с глаз на глаз, чтобы гордый князь не обиделся.

– К вам в каюту, Заза Вахангович, была подброшена шкатулка с поддельными драгоценностями, выкраденная у графини Дольской, – заговорил он сдержанно.

– Поддельными? – ахнул Геловани.

– Убийца об этом не знал, но факт доказанный, – заверил Шуховской. – Вероятно, графиня не рискнула везти с собой подлинные сокровища, но ее это не спасло. Злодея мы взяли, но некоторые признаки намекают, что он действовал не один. Вы человек сильный и мужественный, – польстил он, – но если кто ночью проберется и спящего, не дай бог, убьет? Или яду подсыплет?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.